

Н.М. РИМАШЕВСКАЯ

СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ В РОССИИ

---

*РИМАШЕВСКАЯ Наталья Михайловна - доктор экономических наук, профессор,
директор Института социально-экономических проблем народонаселения.*

В первой половине 1992 г. доходы населения упали почти в 2-2,5 раза. Это касалось не только текущих поступлений, но также сбережений, оказавшихся фактически "экспропрированными" ("обнуленными") у основной массы населения.

На последующих этапах периодически наблюдалось некоторое восстановление текущих доходов, но 1996 г. ознаменовался новым падением реальных доходов населения на 13%, которое в среднем за весь период составило два раза [1]; снижение же потребления привело его на уровень 40% по сравнению с 1991 г. По уровню и параметрам потребления общество оказалось как бы отброшенным на 20 лет назад. Следствием явился тяжелый социальный шок. Наиболее критическая ситуация сложилась в области питания, особенно качественных продуктов. Только за один год (1995) среднедушевое потребление мяса снизилось на 5 кг [2]. Потребление животного белка сократилось на 6% и приблизилось к предельно допустимой границе в 32 г. в среднем на члена домохозяйства в сутки при минимуме 30 г. Все это, разумеется, не могло не отразиться на здоровье населения. Терпеливое отношение к ухудшающимся условиям жизни сказалось на наиболее уязвимых группах российской популяции. Возродились давно забытые болезни (педикулез). В связи с ослаблением иммунитета произошел рост инфекционных нозологических форм (дифтерия, туберкулез, сифилис).

Однако особое беспокойство вызывает проблема бедности. В 1992 г. граница бедности, определяемая прожиточным минимумом ("новая метрика"), понизилась в два раза относительно 1991 г., когда уровень малообеспеченности выводился из минимума материальной обеспеченности. Тогда преобладало мнение, что катастрофическое падение доходов будет продолжаться не более одного-полутора лет, в течение которых можно пользоваться "критической" структурой потребления. Дело в том, что бюджет прожиточного минимума построен на базе модели потребления, в которой 68% приходится на стоимость продуктовой корзины. Однако он остается неизменным в смысле своей структуры (если не считать индексацию в соответствии с ростом цен) уже в течение 5 лет, и пока нет надежды на его изменение. Между тем прожиточный минимум, рассчитанный в 1992 г., как показывает статистика, устарел не только морально, но и физически. Неудивительно, что даже на самом низком уровне материальной обеспеченности потребление семьи не может формироваться в рамках структуры, определяемой моделью прожиточного мини-

му. Ведь кроме питания есть еще малоэластичные жилищно-коммунальные платежи и транспортные расходы (оплата транспорта до места работы), а также необходимая амортизация одежды и обуви (особенно при наличии детей), оплата медицинских услуг и потребность иметь некоторую минимальную сумму сбережений на непредвиденные расходы. Реализация такого рода потребительской программы в семьях с минимальными доходами неизбежно приводит к недопотреблению питания. Поэтому можно смело сказать, что существующий прожиточный минимум сегодня является не границей бедности, а границей нищеты.

Однако даже при этой, нереальной границе бедности, доля населения, находящегося за ее чертой, не снижается и, по нашим данным (с которыми не согласна официальная статистика), составляет около 40% общей численности населения [2]. Драматичность ситуации состоит в том, что две трети детей и одна треть престарелого населения оказались за "порогом", т.е. в группе бедности. Между тем старики своим прошлым трудом уже обеспечили себе безбедное (в смысле "новой метрики") существование. Что же касается детей, то их бедность не принесет обществу ничего другого, кроме снижения качества будущих поколений и ослабления основных характеристик человеческого генфонда.

Оценивая состояние потребления в семьях, доходы которых ниже границы прожиточного минимума (ниже границы бедности), следует иметь в виду также тот факт, что инфляционное бремя распределяется весьма неравномерно между отдельными группами населения. Специальные расчеты показали, что индекс стоимости жизни за период 1990-1996 гг. для семей первой децильной группы (т.е. наиболее бедных) составил 5566, а аналогичный показатель для семей десятой децильной группы всего лишь 4884 [3, с. 176]. Разница очевидная. Она вызвана неравномерностью роста цен на различные виды товаров и услуг, а также особенностями в структуре потребления разных групп населения. По данным Госкомстата, численность населения с денежным доходом ниже прожиточного минимума в 1995 г. составляла 24,7% [3, с. 10].

К настоящему моменту сложились две формы бедности: "устойчивая" и "плавающая". Первая связана с тем, что бедность, как правило, рождает бедность. Низкий уровень материальной обеспеченности ведет к ухудшению здоровья, деградации, депрофессионализации, а в конечном счете - к деградации. Бедные родители воспроизводят потенциально бедных детей, что определяется их здоровьем, образованием, квалификацией [4]. Вторая, более редкая, связана с тем, что бедные, предпринимая усилия, высканивают из замкнутого круга и, адаптируясь к новым условиям, отстаивают право на лучшую жизнь. Разумеется, для такого прыжка нужны не только субъективные, но и объективные условия, создаваемые обществом.

Наряду с традиционной бедностью (одинокие матери и многодетные семьи, инвалиды и престарелые) сегодня появились так называемые "новые бедные", подобно "новым русским". В группу новых бедных вошли те слои населения, которые по своему образованию и квалификации, социальному статусу и демографическому положению никогда ранее не относились к низшим слоям

общества. Их низкие доходы сегодня обусловлены небольшой зарплатой на государственных предприятиях (минимальный заработок здесь не превышает 15% от прожиточного минимума [3, с. 143]), полной безработицей и частичной занятостью, которая охватывает по экспертным оценкам около 15% экономически активного населения, а также невыплатой зарплаты и пенсий, иногда до 6-8 месяцев.

Бедность, безработица, экономическая и социальная нестабильность, несбыточность надежд, крушение планов интенсивно раскручивают процесс маргинализации населения, в результате которого появляется устойчивый слой социальных пауперов - следствие нарастания нисходящей социальной мобильности. Так формируется и укрепляется "социальное дно", которое включает: нищих, просящих подаяния; бомжей, лишившихся жилья, беспризорных детей, потерявших родителей либо убежавших из дома, алкоголиков, наркоманов и проституток (включая детей), ведущих антисоциальный образ жизни. Разумеется, эти группы населения были в российском обществе и до перестройки, но масштабы явления были иными, к тому же власти стремились их как-то минимизировать.

Наша оценка численности маргиналов, полученная на основе специального обследования по всей России, превышает 10% населения [5]. Особенность процесса маргинализации в России состоит в том, что выпадающие на "социальное дно" группы имеют весьма незначительную вероятность возвратиться к нормальной жизни, встроиться в рыночные отношения. Кроме того, наблюдается возникновение некоего социального "преддонья", включающего те слои населения, у которых высок риск скатиться на "дно". Они как бы балансируют на краю бездны.

Вторая узловая проблема связана со сложным процессом адаптации населения к рыночным условиям: переоценка ценностей и правил взаимодействия, активное встраивание в рыночные структуры, участие в экономической жизни. По нашим оценкам, примерно пятая часть населения адаптирована, а четверть не адаптирована и не сможет адаптироваться в силу индивидуальных особенностей личности (возраст, состояние здоровья, семейное положение, сформировавшийся менталитет). Таких людей мы называем "аутсайдерами". Больше половины (55%) находится как бы в ожидании; часть из них старается приобщиться к новым структурам, но не всегда эффективно; и происходит как бы процесс отката. Между тем, успех реформ во многом зависит от поведения и ориентаций именно этой "середины". Наши оценки адаптированных хорошо соотносятся с данными ВЦИОМа о доле выигравших от реформ. В течение трех последних лет их численность держалась на уровне 20-23% (с некоторой тенденцией к сокращению).

На фоне катастрофического снижения жизненного уровня основной массы населения, его слабой адаптации к рынку происходит серьезная поляризация доходов. Очевидно, что формирование рыночных отношений не может не вести к усилению дифференциации доходов. Однако дифференциация доходов в России не имеет аналогов в восточноевропейских странах и может оцениваться как беспрецедентная.

Поляризация доходов - следствие группы факторов. Прежде всего это

интенсивный рост дифференциации в оплате труда (даже независимо от тенденций к снижению ее уровня). Так, децильный коэффициент дифференциации, составлявший в 1985 г. 3,4, уже в 1995 г., т.е. через 10 лет, увеличился примерно в 5 раз и сейчас находится в интервале от 10,4 до 20,2 раз. По данным Госкомстата, в 1995 г. соотношение средней заработной платы 10% наиболее оплачиваемых работников составляло 26,4 раза (тот же показатель в 1991 г. был равен 7,8 раза). Половину фонда оплаты труда получают 20% высокооплачиваемых работников. Подобные различия складываются в результате ряда причин. Во-первых, существенны различия заработков на одном предприятии. Так, разница в оплате труда основной части рабочих и администрации составляет примерно 20 раз. Известно, что более 40% рабочих имеют заработок ниже прожиточного минимума. Во-вторых, отраслевые различия, которые в оплате труда составляют не менее 10 раз, и региональные - 11 раз. В-третьих, велика разница в заработной плате, складывающаяся на государственных и частных предприятиях, особенно в сравнении с оплатой труда на совместных производствах, где заработок часто устанавливают иностранные руководители.

Разумеется, на различия в семейных доходах существенное влияние оказывает численность и рост не только полностью безработных, но и частично занятых. Доля общей безработицы, по оценкам экспертов, находится в границах 7-14% от экономически активного населения. По данным ВЦИОМа, на конец 1995 г. 10% населения в трудоспособном возрасте не имели работы и находились в процессе ее поиска.

Свою лепту в процесс поляризации доходов вносит практика неплатежей уже заработанного вознаграждения, а также длительной невыплаты пенсий. По оценкам Госкомстата, объем неплатежей к концу 1996 г. составлял свыше 47 трлн. руб. (или 9 млрд. \$).

Очевидно, что существенным фактором увеличения разрывов в текущих доходах семей является наличие предпринимательских поступлений, которые составляют около 30% в совокупном годовом денежном доходе населения. Однако при этом нужно иметь в виду, что предпринимательский доход разного рода получает лишь 30-35% семей.

Существенным фактором, усиливающим различия в доходах населения, является вторичная занятость. По данным ВЦИОМа, дополнительную работу на регулярной основе имеют 8% опрошенных, а в виде разного рода случайных приработков - 12-14%. Доля работников, имеющих вторичную занятость в 1996 г., составляла 16%. Наши исследования в Таганроге показали, что приработки чаще имеют более оплачиваемые и высокостатусные работники. В среднем занятость на дополнительной работе составляет 15 часов в неделю, но один час такой работы приносит больше дохода, чем на основной. Следует отметить, что занятость в собственном бизнесе в качестве основной деятельности практически не меняется в течение последних лет и составляет около 6%.

Несомненно, важнейшим фактором, усилившим различия в материальном обеспечении населения, стала практика приватизации предприятий, которая позволила сравнительно небольшой доле населения (1-2%) получить значи-

тельную часть производственных фондов, а с ними и капитала, приносящего чудовищные доходы.

И, наконец, последнее обстоятельство связано со снижением уровня трансфертов. Так, на 1 октября 1995 г. минимальный размер пенсий по старости составлял 26% от величины прожиточного минимума, ежемесячное пособие на ребенка за последние три года колебалось в пределах 8-18% от прожиточного минимума, а минимальный размер стипендии в 1995 г. составлял 11-16% [4, с. 143].

Под влиянием указанных факторов происходит рост дифференциации доходов, особенно начиная с 1992 г. По разным оценкам, децильный коэффициент сегодня составляет 10-25 раз. По данным Госкомстата, в 1995 г. соотношения средних доходов 20% с наименьшими доходами и 20% с наивысшими доходами составлял 8,5 раз. (В 1991 г. это соотношение равнялось 2,6.) Коэффициент Джини в 1994 г. был равен 0,260, а в 1995 г. он был 0,381 [6]. Между тем, социологи утверждают, что при росте децильного коэффициента дифференциации до восьмикратного уровня возникает опасность социальной деградации общества, что практически мы и наблюдаем в России.

По оценкам ИСЭПН РАН, реальные различия в доходах населения выше, чем это показывает официальная статистика. Объясняется это включением в распределение доходов, с одной стороны, численности "новых русских" (самых богатых), а с другой - групп населения, составляющих социальное дно, которые не попадают и не могут попасть в статистические обследования семейных бюджетов домохозяйств Госкомстата [5; 7].

Социально-экономические трансформации в России привели к тому, что общество оказалось реструктурированным. Вместе с тем, уже высвечиваются зародыши устойчивых групп и слоев, это олигархические, региональные и корпоративные элиты, верхний средний класс, средний класс, аутсайдеры, маргиналы, криминалитет. Между ними происходит постоянный социальный обмен, отчасти вызванный социальной мобильностью.

Если основные слои населения ранжировать по доходам, получим экономическую стратификацию (см. табл. 1).

Анализ данных показывает, что в структуре населения России "средний класс" как фундамент рыночных отношений фактически отсутствует; на его месте образовалась "черная дыра". Осью стратификации избран только признак материальной обеспеченности (доходов). Мы видим, что лишь пятая часть населения оказалась в интервале с доходом от 1000 до 100 долл. в месяц на душу населения, т.е. в границах с десятикратной разницей. Столь широкий интервал был взят нами с целью не упустить из виду ни один составляющий "середины" социальный слой. Несмотря на такую широту, в "середине" находится относительно незначительная доля населения, материальное положение которого очень различается. Дифференциация настолько заметна, что одна часть "средняков" скорее примыкает к расположенной выше группе обеспеченных, а другая - к находящемуся ниже слою малообеспеченных. Между ними образовался провал, означающий, что в обществе еще не сформировался либо отсутствует средний класс. Более того, поляризация доходов привела к тому, что как бы возникли "две России", расходящиеся в разные стороны

Экономическая стратификация населения

Основные страты	Доля в населении, в %	Уровень текущих денежных доходов в расчете на душу в месяц, в долл.
Богатые	3-5	свыше 3000
Состоятельные	15	3000-1000
"Середина" (аналог среднего класса)	20	1000-100
Малообеспеченные	20	100-50
Бедные	40	менее 50
в том числе:		
"Социальное дно"	10-12	

Естественное движение населения за 1992-1995 гг.

Таблица 2

Годы	Число родившихся	Число умерших	Общий прирост (+), убыль (-)
1992	1598,4	1805,4	-207,0
1993	1379,0	2129,3	-750,3
1994	1408,2	2301,4	-893,2
1995	1367,3	2197,4	-830,1
1996	1300,0	2100,0	-800,0
Всего	7052,9	10533,5	-3480,6

социальные ветви. Они резко отличаются поведением, предпочтениями, ориентациями. Возникли даже два потребительских рынка, существенно отличающихся не только ценами, но и набором потребительских благ. Отсутствие среднего класса и две уходящие друг от друга России - серьезный источник социальной напряженности.

Третья узловая проблема, возникающая как результат первых двух, сводится к ухудшению здоровья (физического, психического и социального) населения и возникновению тенденции депопуляции России, непосредственно связанной с его естественной убылью. За пять лет реформ (1992-1996 гг.), начиная с того момента, когда проявился феномен естественной убыли населения в общестрановом масштабе, она составила 3,5 млн. человек или 2,3% от численности населения (см. табл. 2).

Справедливости ради следует отметить, что явления естественной убыли на отдельных территориях России наблюдались с конца 60-х годов. Процесс постепенно захватывал все больше регионов. В 1992 г. размеры естественной убыли оказались достаточно ощутимы, процесс охватил более половины регионов. Сегодня осталось очень мало регионов, не затронутых депопуляцией. За короткий срок более чем на 2% сократилась численность России в результате превышения смертности над рождаемостью. Ощущение такое, будто по всей территории России проходили серьезные военные действия. Наступление депопуляции совпало с "шоковой" терапией (1992 г.). Правда, благодаря положительному сальдо миграции общее число россиян, несмотря на естественную убыль, не уменьшилось.

В ряде случаев депопуляция рассматривается исключительно как естественное, не связанное с реформами, явление. Нет сомнения в том, что долгосрочные демографические тенденции, имеющие высокую инерционность, оказывают воздействие на происходящие процессы. Но не с той интенсивностью, которую мы наблюдаем. Было бы неправильно рассматривать естественную убыль населения исключительно как следствие социально-экономических трансформаций. Нельзя забывать, что для динамики населения характерны устойчивые тенденции демографического воспроизводства. Особенно это касается рождаемости, общий коэффициент которой снизился с 12,1 промилле в 1991 г. до 9,3 в 1995 г., т.е. на 23%. Существенным образом снижение числа рождений определялось уменьшением численности женщин в фертильном возрасте, где оказались "дети детей войны". Однако отказ иметь детей по социально-экономическим мотивам тоже сыграл свою роль. Об этом свидетельствуют результаты проведенного Госкомстатом обследования молодых семей, показавшего, что среди тех, кто собирался иметь детей, 33% решили отложить рождение ребенка на 2-3 года, а 30% - еще на более поздний срок [8, с. 5]. Однако основное влияние на естественную убыль населения оказал все-таки рост смертности, масштабы и характер которого заставляют нас задуматься. За четыре года общий коэффициент смертности увеличился с 11,4 в 1991 г. до 15,0% в 1995 г., т.е. почти на треть (в 1994 г. он был еще выше - 15,7%).

Складывающиеся тенденции смертности характеризуются следующими особенностями. Во-первых, четко обозначился феномен сверхсмертности мужчин, о чем свидетельствуют показатели ожидаемой продолжительности предстоящей жизни при рождении. Для мужчин этот показатель в 1991 г. составил 63,5 года, а в 1995 г. - лишь 58 лет, за четыре года снизившись на 5,5 лет. Ежегодно мужчины теряли почти полтора года из предстоящей жизни. Тяжелое положение в сельской местности, где средняя продолжительность предстоящей жизни примерно на два года меньше, чем в городе. Еще хуже была ситуация в 1994 г., когда у мужчин продолжительность предстоящей жизни не превышала 58 лет (57,6). Во-вторых, отмечаются более высокие темпы роста смертности в трудоспособных возрастах: если общий коэффициент смертности по населению в целом с 1991 по 1994 г. вырос в 1,4 раза, то у трудоспособных рост составил 1,7 раза. Иными словами, за 5 лет произошло удвоение показателей смертности у трудоспособного населения. Рост смертности трудоспособных свидетельствует также о том, что на показатели общей смертности старение населения влияет в меньшей мере, чем другие социальные факторы. В-третьих, увеличение смертности происходило фактически по всем основным причинам, но более всего - от несчастных случаев (в 1,7 раза), убийств (2,1), самоубийств (1,6), а также от инфекционных заболеваний (2,0 раза). Смертность от несчастных случаев, отравлений и травм носит исключительно социальное происхождение: люди умирают физически, как правило, здоровыми. Причинами смерти становятся автопроисшествия, технологические и экономические катастрофы, алкоголизм и наркомания, преступные действия. Рост инфекционных заболеваний и вследствие этого смертности свидетельствует об ослаблении иммунной защиты населения и

ухудшении его условий жизни. В-четвертых, смертность от несчастных случаев, отравлений и травм (неестественные факторы), как комплексная социальная причина, в 1993 г. переместилась на второе место после смертности от болезней кровообращения, оттеснив на третье место смертность от злокачественных новообразований. Что касается трудоспособного населения, то смертность по классу чисто социальных причин (несчастные случаи, отравления и травмы) устойчиво занимает первое место [3, с. 11]. По мнению экспертов, основной причиной многочисленных катастроф, имевших место в 1996 г., явилась нищета. Это в равной мере касается как авиакатастроф, так и взрывов в жилых домах. В-пятых, отмечается высокая смертность от причин, связанных с употреблением алкоголя (отравление алкоголем, хронический алкоголизм, алкогольный психоз, алкогольный цирроз печени). В 1995 г. из числа умерших по этой причине 78% составляли мужчины, а 66% - мужчины в трудоспособном возрасте. И в этих фактах нет ничего удивительного, если иметь в виду чудовищный рост потребления алкоголя в России за последние годы. Указанный процесс можно смело характеризовать как алкоголизацию общества. По данным Госкомстата (учтенное потребление), в 1993 г. потребление алкоголя в России в расчете на душу в год в литрах 100% этанола составляет 6,0 л. Но по оценкам экспертов, оно достигает 14,5 л. Между тем известно (из заключений экспертов ВОЗ), что критическим индикатором является 8 л, после чего наступают необратимые генетические изменения. Оценки показывают, что каждый "дополнительный" (сверх 8 л) литр алкоголя увеличивает смертность на 65 тыс., сокращая жизнь мужчин на 0,79 года, а женщин - на 0,34.

Особую тревогу вызывает рост суицида, который вывел Россию на одно из первых мест. В 1995 г. число самоубийств составило 45 на 100 тыс. населения, что позволило ВОЗ признать Россию страной, находящейся в состоянии вялотекущей чрезвычайной ситуации. Не последнее место в воспроизводстве населения занимает младенческая смертность, которая, начиная с 1991 г., характеризуется ростом общего показателя: в 1990 г. коэффициент младенческой смертности составил 17,4 промилле, в 1993 г. - 19,9, а в 1995 г. - 18,1 [3, с. 11]. Столь высокие показатели младенческой смертности складываются в России на фоне постоянного снижения рождаемости, что противоречит обычным тенденциям, когда высокая рождаемость отчасти носит компенсаторный характер и противостоит высокой детской смертности. Замечено, что происходит снижение здоровья каждого последующего поколения, а это, в свою очередь, чревато снижением качества человеческого потенциала всей нации на длительной перспективе: ведь больное поколение не может воспроизводить здоровых. Возникает своеобразная "воронка" ухудшения здоровья нации, из которой непросто выбраться, а если и удастся, то лишь через много поколений. Причина кроется в катастрофическом ослаблении здоровья у детей, определяемым прежде всего понижением полноценности новорожденных. Сложилась парадоксальная ситуация: проблемы здоровья перемещаются с группы престарелых в группу детей, а это противоречит естественному процессу жизни.

Последнее обстоятельство, вызывающее особую озабоченность, оценка аб-

солотного прироста смертности за последние четыре года. При относительно стабильной среднегодовой численности населения (около 148 млн. человек) в России в 1994 г. умерло 1,7 млн., а в 1995 г. - уже 2,2 млн., т.е. прирост составил 0,5 млн., или 30%. Общее число смертей за 1992-1995 гг. достигло 8.433,5 тыс. Если бы смертность в течение последующих четырех лет оставалась на уровне 1992 г., то суммарное число смертей максимально было бы равно 6.762,5 тыс., т.е. на 1,6 млн. меньше, чем оказалось на самом деле. При отсутствии эпидемиологических катаклизмов, есть все основания считать допустимой стабильность (даже снижение!) численности смертей при стабильной численности населения в течение столь короткого (4 года) периода времени, когда старение населения не является существенным фактором роста смертности. Можно предположить, что абсолютный прирост смертности в 1,6 млн. - следствие не эндогенных причин, а сугубо социальных факторов.

Вместе с тем нельзя не отметить высокую приспособляемость российского населения к тяжелым условиям жизни. Выживание принимает самые различные формы. Фундаментом остается семья, обеспечивающая психологическую и экономическую защиту индивиду. Экономических источников домохозяйства три: а) сад (огороды), обеспечивающий питание 70-80% семей; б) вторичная занятость, в той или иной мере охватившая до трети экономически активного населения; в) посредническая деятельность, втянувшая в орбиту и старых, и малых. Определенным позитивным результатом, демонстрацией способности населения выживать даже в чрезвычайных условиях стал наметившийся на рубеже 1994 и 1995 гг. перелом в тенденциях демографического воспроизводства. Об этом свидетельствуют: а) показатели ожидаемой продолжительности предстоящей жизни для населения в целом, а также для мужчин и женщин; самое низкое их значение было в 1994 г. (64,0, 57,6, 71,2 года); в 1995 г. произошло некоторое повышение, которое продолжалось в первой половине 1996 г.; б) общий коэффициент смертности, максимальное значение которого наблюдалось в 1994 г. (15,7), в 1995 г. обнаружил тенденцию к падению (15,0), которое продолжалось и в 1996 г.; в) коэффициент младенческой смертности, максимум которого отмечен в 1993 г. (19,9), также начал постепенное снижение. Все это вселяет определенные надежды.

Анализ итогов 1996 г. показывает, что феномен неплатежей (зарплата, пенсии, пособия детям), охвативший почти всю страну, до предела обострил другие социальные проблемы, привел к новому явлению, которое можно обозначить как кризис адаптации населения к рыночным условиям. Наступает момент, когда, перефразируя известную формулу, можно сказать, что низы не хотят проводить реформы по-старому, а верхи не могут делать их по-новому. Доля населения, успешно встраивающегося в новые структуры, не увеличивается, а несколько снижается. Даже церковь выступила против беспрецедентного обеднения населения. По некоторым важнейшим индикаторам Россия действительно оказалась в запредельном положении, в связи с чем следует упомянуть: а) потребление белка животного происхождения, б) потребление абсолютного алкоголя, в) масштабы суицида, г) размеры дифференциации

доходов, д) доля дебильности в населении. Одновременно происходит падение физического, психического и социального здоровья, что отчетливо просматривается как на популяционном, так и на индивидуальном уровнях. Видимо, подобные перемены можно оценивать как основное следствие трансформационных процессов, опасность которых состоит в том, что они имеют долговременный характер, и последующие два-три поколения российского общества будут испытывать их на себе. Главная причина ухудшения ситуации состоит в том, что принимаемые наверху решения подчинены, с одной стороны, интересам властных структур, а с другой - международных покровителей. Критическими индикаторами считаются мера инфляции и масштабы дефицита государственного бюджета. Интересы и состояние основной массы населения уходят на второй план. Однако события приняли такой оборот, что только на торможение негативных процессов уйдут чуть ли не все имеющиеся ресурсы. Когда ситуация выходит из-под контроля, то в обществе уже не могут эффективно решаться ни экономические, ни политические проблемы. Это свидетельствует не только о неблагополучии в обществе, а и об устойчивой тенденции к его деградации. В результате по всем параметрам общественного развития происходит не только топтание на месте, но и "шаг вперед - два шага назад". Общество не останавливается в своем движении, а входит в состояние глубокой депрессии (хотя это может быть лучше, чем непрекращающийся спад). В этом случае показатели экономического развития (например, производство валового продукта), а тем более финансовой сбалансированности (уровень инфляции и величина бюджетного дефицита) теряют свое значение в качестве главных. Социально-экономическая политика, проводимая федеральными властями, скажем, на уровне принятия государственного бюджета, базируются на экономической парадигме: проблемы социальной сферы (программа социальных реформ) могут решаться после экономического оживления благодаря прибыли, которую будут приносить работающие предприятия. Но время голого экономического прагматизма безвозвратно прошло. Власти упустили его. Сегодня по-старому развиваться нельзя. Объективные условия требуют перехода на иные принципы. Они предполагают сначала вывести население из состояния комы, а затем обеспечить позитивные экономические сдвиги.

Аналитические разработки показывают, что главные направления социальной стратегии должны быть следующие:

- предотвращение угрозы социальной безопасности с точки зрения состояния, поведения и настроения населения;
- интенсивное формирование среднего класса в качестве гарантии общественной стабильности на базе расширения адаптационных возможностей населения;
- всесторонняя поддержка семьи как узлового социального института опоры "частного" человека, нарождающегося в российском обществе вместе с частной собственностью.

В число приоритетных тактических задач целесообразно включить следующие:

- ликвидация неплатежей населению; государство должно выступать гаран-

том по отношению к населению, если негосударственные организации не выполняют своих обязательств по платежам;

- государственный протекторат прожиточного минимума, обеспечивающего гражданам потребление на уровне простого воспроизводства (выживания), что предполагает его четкое определение и законодательное (на самом верхнем уровне) закрепление, а также проведение мониторинга лишенных прожиточного минимума групп населения ("мониторинг бедности"), научное разграничение традиционных бедных от "новых" бедных (первые нуждаются в защите, а вторые - в поддержке);

- государственные гарантии минимальных а) заработной платы, пенсий, пособий (по безработице и детских) не ниже прожиточного минимума; государство призвано бороться с маргинализацией населения, а каждый индивид обеспечивает себе социальную мобильность восходящего характера;

- изменение налогового режима в отношении физических лиц с целью перераспределения доходов (наиболее высокие уровни которых на самом деле не есть результат труда, а лишь следствие присвоения части общенародной собственности).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мониторинг социально-экономического потенциала семей. М.: Госкомстат и Минсоцзащиты, 1996.
2. Россия в цифрах. Стат. сб. М.: Госкомстат, 1996.
3. Уровень жизни населения России. Стат. сб. М.: Госкомстат, 1996.
4. Бреева Е., Римашевская Н. Бедность по наследству // Российская газета. 1992. 4 ноября.
5. Римашевская Н., Овсяников А., Иудин А. Социальное дно: драма реальностей и реальность драмы // Литературная газета. 1996. 4 декабря.
6. Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения ВЦИОМ. М.: Интерцентр, Академия народного хозяйства, 1996.
7. Римашевская Н., Овсяников А., Иудин А. Богатые: есть ли надежда на социальный мир // Деловой мир. 1995. 24 июня.
8. Перспективы развития молодой семьи (данные единственного обследования). М.: Госкомиздат России, 1993.